
ПАДАЛЬ БОГОВ
А.М. Сунгурский
18+

А.М. Сунгурский

Падаль богов

«Автор»
2026

Сунгурский А.

Падаль богов / А. Сунгурский — «Автор», 2026

В заброшенном карьере возле Сатки пропала группа обследователей. Спасательница Дарья Ровнина спускается за ними и узнаёт, что белые опоры подземелья — части огромного мёртвого тела. В его глубине кормятся существа, повторяющие человеческие голоса. Камень под ногами теряет опору, а вслед за первыми падальщиками приходят другие.Когда обратный путь обрушивается, вести людей к выходу берётся тот, кто знает нижние ходы. У него одно условие: вместе с ранеными нужно вынести тяжёлый футляр с частью останков. Дарье нужны свободные руки для спасения людей. Проводнику нужен груз, который он не собирается бросать. Пока они спорят, тело вокруг них продолжает исчезать.

© Сунгурский А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Четыре пары 5
Глава 2. Ответ из стены 12
Глава 3. Чужой фонарь 17
Глава 4. Пятый в списке 23
Глава 5. Сухая сторона 28
Глава 6. Разрыв 34
Конец ознакомительного фрагмента. 35

А.М. Сунгурский
Падаль богов

Глава 1. Четыре пары

У вагончика стоял ящик с чужой обувью. Четыре пары, поставленные носками к стене: высокие кроссовки, женские ботинки и две пары потёртых полуботинок. На одном кроссовке лежала серая пыль. Второй оставался чистым, словно пыль посыпали сверху из маленькой чашки и не стали тратить на всё остальное.

Дарья остановилась перед ящиком. У ворот ей сказали, что люди спустились на двадцать минут. К этому короткому осмотру они заранее приготовили другую обувь. Она ещё не знала, что именно там собирались осматривать.

— Их вещи? — спросила она.

Женщина у двери вагончика кивнула. Платок сполз ей на шею, седые волосы липли ко лбу. На рабочей куртке темнела мокрая полоса; женщина то и дело растирала её ладонью, будто ещё можно было сделать вид, что она не плакала.

— Всё здесь. Я ничего не трогала.

— Фамилии записали?

— Записали. Вон вашему отдала.

Она показала не на людей за сигнальной лентой, а на белую машину возле старого шлагбаума. Там стоял Олег Дубинин и говорил по телефону, прикрывая одно ухо. Дарья видела его лицо только сбоку. По тому, как он держал подбородок, поняла: собеседник опять объясняет, почему за нужные сведения отвечает кто-нибудь другой.

Из-за машины вышел Егор с двумя касками. Свою держал за ремень, Дарьину — как миску, сложив внутрь перчатки.

— Ты уже в гости устроилась?

— Смотрю.

Он тоже посмотрел на обувь. Выбрал глазами чёрные полуботинки и чуть наклонился, не касаясь их.

— Эти изнутри мокрые.

— Сегодня дождя ещё не было, — сказала женщина.

Егор поднял на неё глаза.

— А они сегодня сюда приехали?

— Утром. Но вчера тоже были. И позавчера. Я не каждый раз сижу, у меня сменщица.

— Кто-нибудь из них сам вышел после обвала?

— Нет.

Она ответила быстро, почти сердито. На такой вопрос ей уже приходилось отвечать, и всякий раз он отнимал возможность считать случившееся маленькой неприятностью: выбрались другой дорогой, забыли предупредить, застряла машина.

Дарья взяла свою каску.

— Как вас зовут?

— Людмила Борисовна.

— Я Дарья. Мы сейчас пойдём к спуску. Если вспомните, что кто-то выходил раньше или приезжал отдельно, скажите Олегу. Тому, которому отдали список.

— Я бы сказала.

— Да. Я понимаю.

Людмила Борисовна вдруг схватила её за предплечье. Пальцы оказались очень сильными.

— Женщина там. У неё ботинки. Вы ей скажите, чтоб не пыталась эти свои достать. Я сохраню.

Дарья посмотрела на узкие коричневые ботинки, аккуратно убранные под край ящика.

— Если встречу, передам.

Слова вышли суше, чем хотелось. Но обещать встречу она не собиралась, а Людмила Борисовна, кажется, услышала только первую половину. Отпустила руку, потёрла ладонью мокрую полосу на куртке и шагнула обратно к дверям.

Олег закончил разговор. Не убирая телефон, поманил их к себе.

— Четверо. Обследование старой выработки. Шестова Инна, Серов Вадим, Грач Антон, Нагорный Илья. Последний связь обеспечивал, видео снимал. Представитель заказчика клянётся, что они должны были работать только на открытом участке.

— А обувь зачем сняли? — спросил Егор.

— Сейчас он выяснит, зачем.

Олег произнёс это без выражения. Дарья знала: когда он переставал ругаться, дело обычно было хуже, чем когда ругался.

За его спиной Саша Головин присел у раскрытого транспортного мешка. Разложил рядом фонари, один включил и загородил ладонью, проверяя не яркость, а то, как держится крепление. На земле лежал его телефон. Из динамика едва слышно доносился женский голос.

— Я потом, — сказал Саша, не поднося аппарат к уху. — Оставь на столе, я сам увижу.

Голос ещё что-то произнёс. Саша взял телефон, послушал и улыбнулся.

— Не женюсь я на твоей подруге. Пока.

Он отключился, заметил Дарью и поднял приготовленный фонарь.

— Твой с новой застёжкой.

— Спасибо. Кто звонил?

— Сестра. У неё сегодня международный день моего устройства.

— Тогда у тебя уважительная причина не отвечать.

— Вот я тоже подумал: лучше в карьер.

Егор забрал второй мешок и взвесил в руке.

— Подругу бы сначала посмотрел.

Саша усмехнулся, но ответа уже не искал. Олег повёл их к нижней дороге. На ходу говорил о том, что успели осмотреть, где ещё могла сойти порода и до какой точки подготовлен доступ. Дарья слушала, глядя под ноги. Старое покрытие дороги кончалось не сразу: между полосами травы проступал асфальт, потом оставались только щебень и две продавленные колеи. По ним прошла машина, которая привезла первый расчёт.

Внизу карьер выглядел небольшим. Светлая стена, площадка с лужами, заросший дальний край. На одном уступе росла берёза с раздвоенным стволом. Её корни торчали из свежего излома, а сама она всё ещё держалась и почти не наклонилась. Дарья невольно подумала о том, как завтра здесь будут искать именно её на фотографиях: была берёза на краю или уже упала, насколько изменился откос.

Обвал лежал под ней узким светлым языком. Крупные камни докатились до площадки, мелочь осталась выше. За свежей осыпью, под уцелевшей частью стены, открывалась чёрная щель.

— Вот оттуда и пошло, — сказал Олег. — Людмила слышала, выбежала. Пыль ещё висела. Позвала, никто не ответил. Вызвала сразу.

— Они ей говорили про полость? — спросила Дарья.

— Нет. «Съёмка уступа». У неё в журнале так записано.

Егор остановился, дожидаясь, пока с дорожки перед ними сойдёт человек с длинным чехлом.

— Красивый уступ. Внутренний.

Олег не улыбнулся.

— По стене выше ещё смотрят. В зону под свежим изломом не заходите. Доступ сбоку, по подготовленному. Пройдёте до проверенной площадки, дальше — по обстановке и со связью. Резерв здесь. Проходимость отмечайте, особенно если придётся нести.

Дарья кивнула. Она видела уже закреплённую линию, людей возле верхней точки, мешки со снаряжением в стороне от осыпи. Спуск начинался на уцелевшем плече уступа, откуда можно было подойти к краю щели, не пересекая свежие камни. Туда и направились.

Телефон завибрировал у неё в кармане. Дарья вытащила его, ожидая вызова от Олега, хотя тот был рядом. На экране стояло: «Паша».

Она приняла звонок.

— Слушаю.

— Мам, ты когда?

Дарья закрыла глаза. На короткую секунду, стоя посреди дороги.

— Я на выезде.

— Я понял. Во сколько будешь?

— Не знаю пока.

В трубке звякнула посуда. Она вспомнила: он собирался заехать не ужинать. Он привёз вещи, которые оставались у отца, и они договорились вместе разобрать шкаф. Павел просил заранее, дважды уточнил время, а она сегодня утром сказала, что точно будет.

— Ты ключи взял?

— Взял. Я тебе звоню не с лестницы.

— Да, извини. Оставь коробки в комнате. Только у окна не ставь, там я…

— Мам.

Она замолчала.

— У меня там уже стоит стол. Я сам знаю куда.

— Хорошо.

Егор отошёл вперёд. Дарья видела, как он пытался подтянуть ремень каски, не выпуская мешка, затем всё-таки поставил мешок на землю. Привычное движение почему-то усилило стыд: рабочая жизнь продолжалась рядом, а Павел оставался голосом, которому снова приходилось объяснять, что у него тоже есть сегодняшний день.

— Я наберу, как смогу, — сказала она.

— Не обязательно. Я потом уеду.

— К отцу?

— Нет.

Он не добавил куда. Дарья могла спросить, но тогда он имел бы полное право спросить в ответ, зачем ей знать. Она сказала: «Ладно», — и убрала телефон.

Егор ждал возле сложенных мешков.

— Пашка?

— Да.

— Большой уже парень.

— Я заметила.

Он ничего не ответил. Так было хуже. Можно было поспорить, если бы он начал объяснять, что она слишком держится за привычное. Но Егор просто протянул ей перчатки, которые она оставила в каске, и занялся своим снаряжением.

* * *

У входа пахло холодной водой и разломанным камнем. Воздух выходил из щели медленно, низко над землёй; Дарья почувствовала его сквозь ткань на коленях, когда присела, дожидаясь Сашу.

Снаружи оставался вечер. Свет падал на ладонь, на серый камень, на широкую полосу ремня. Внутри, в двух шагах, уже ничего не было видно без фонаря. Граница казалась слишком резкой для такого маленького входа.

Егор прошёл первым до места, откуда можно было осмотреть нижний участок. Остановился, дождался Дарью. Газоанализатор на его груди не подавал тревожных сигналов. Егор сверил показания и медленно повёл лучом по стенам и полу; дальше воздух ещё не проверяли.

— Здесь ходили, — сказал он.

У его ботинка лежала пустая упаковка от батареек. На её прозрачной половине ещё держалась капля воды. Дарья посмотрела выше и заметила в стене старое крепление. Оно находилось там, куда с наружной площадки было не дотянуться.

— Не сегодня поставили, — сказала она.

— Состояние само по себе не скажет. Но тот, кто ставил, сюда уже спускался.

Егор осветил точку внимательнее и оставил её в покое. Они пользовались своим доступом; чужое железо пока было только свидетельством.

Саша появился позади с мешком и уложенной линией связи. В тесном месте он повернулся боком, пропуская мешок вперёд, потом протиснулся сам. Пластик коротко скрипнул о камень. Саша замер и посмотрел на Дарью так, словно звук был извинением.

— Всё, — сказал он. — Свободно.

Саша подал ей трубку проводного переговорного устройства. Дарья передала наверх, что они в полости, и назвала увиденное. Олег попросил не трогать чужое крепление и уточнить направление. Она ответила, вернула трубку и оглянулась на вход. Светлый прямоугольник оказался не там, где её тело ожидало его увидеть: ход успел повернуть. Пришлось немного сместиться, чтобы снова разглядеть край вечернего неба.

— Четверо, — напомнила она. — Может быть, разошлись. Не ориентируемся на один голос.

— Если они вообще здесь, — сказал Егор.

— Обувь оставили.

— На ногах у них другая. Могли и другим выходом уйти.

Она поняла, что уже ответила не на то. Егор не сомневался, что люди вошли. Но оставались ли они здесь после обвала, никто ещё не установил.

Дарья посмотрела на него.

— Хорошо. Сначала ищем, потом считаем.

— Считать можно сразу. Делать выводы погоди.

Она едва не улыбнулась. С июля Егор переходил на преподавательскую работу. По таким разговорам ей будет не хватать его больше, чем по умению пройти неудобное место.

Ход уходил вниз пологими неровными ступенями. Ступени никто не делал: это были выступы породы, по которым стекала вода. Небольшие лужи отражали белые пятна фонарей, и всякий раз, ставя ногу, Дарья проверяла, что перед ней вода, а не пустота с блестящим дном. Спешить хотелось сильнее, чем позволял проход.

Дальше потолок поднялся. Егор остановился, подал знак светить влево. На выступе висела чёрная ткань.

Сначала Дарья решила, что это человек. Локоть, плечо, наклонённая голова. Потом луч лёг ниже, и вещь распалась на куртку, переброшенную через камень, и собственную тень.

Куртка была чистой там, где ткань уходила внутрь складки. На рукаве белела пришитая полоска. Дарья прочитала только две буквы — «ГР».

— Грач, — сказал Саша.

— Возможно, — ответила она.

Они осмотрели место, не поднимая вещь. Куртка лежала выше мокрого пола, словно её сняли, потому что стало жарко, и берегли от воды. Рядом осталась почти полная бутылка. Дарья увидела на крышке красную нитку и подумала, что это удобная примета: никто не перепутает свою с чужой. Даже здесь люди устраивались по-хозяйски.

Егор позвал:

— Антон! Есть кто-нибудь?

Звук ушёл по ходу. Вернулся с другой высотой, словно их было двое и второй Егор стоял дальше, в низкой комнате. Дарья ждала. Отсчитала про себя несколько секунд, но сбилась, когда где-то капнуло.

— Антон Грач! — позвала она. — Спасатели. Если слышите, ответьте или постучите.

Саша выключил свет на груди, оставив налобный, и повернул голову. Они замолчали. Дарья услышала ткань собственного рукава, короткий вдох Егора, тихое шуршание линии позади.

Потом из глубины донеслось:

— Здесь.

Голос был мужской. Слабый, но удивительно спокойный.

Дарья подняла ладонь, хотя оба уже остановились.

— Вас сколько? Кто говорит?

Вода капнула ещё раз.

— Здесь.

Егор посмотрел на неё. Она видела только часть лица под каской; остальное закрывал свет, отражённый от мокрой стены.

— Идём осторожно, — сказала Дарья. — Мог оглушиться.

Она сообщила о голосе наверх. Ответ Олега пришёл сразу, обыкновенный и негромкий. От него полость на мгновение перестала быть отдельным миром: там, над ними, кто-то стоял на щебне, видел берёзу и мог посмотреть на часы, не поворачивая запястье к фонарю.

Проход сужался. По правой стене тянулось гладкое светлое ребро, которое Дарья сначала приняла за край слоя. На нём не было ни сколов, ни привычных мелких неровностей. Вода покрывала его тонко, одним непрерывным блеском.

Егор обошёл выступ и остановился.

— Даша.

Он не повысил голос. Ей хватило.

Мужчина сидел в углублении между стеной и большим камнем. Ноги вытянул перед собой, левую руку прижимал к боку. Голова была без каски; седые волосы слиплись у виска. Из-под расстёгнутого воротника виднелась такая же белая пыль, как на обуви возле вагончика.

Правую руку мужчина держал перед лицом. Пальцы крепко сжимали маленький фонарь. Луч уходил вверх, и сам он щурился от собственного света.

— Антон? — спросила Дарья.

Он медленно перевёл взгляд на неё. Губы дрогнули, но звука не было. Егор присел с другой стороны, не заступая в тёмное пространство за камнем. Саша остался позади, освещая проход и место вокруг них.

Дарья опустилась на колено.

— Меня зовут Дарья. Мы вас выведем. Сейчас я посмотрю, что с рукой.

Мужчина качнул головой. Не отрицательно — он словно пытался стряхнуть что-то с уха. Она увидела, что на подбородке засохла кровь, а один угол рта рассечён. Левая рука лежала неестественно близко к телу, и он не позволял ей сдвинуться.

— Антон Грач?

Он кивнул.

— Хорошо. Остальные рядом?

Грач шевельнул губами. Дарья наклонилась, но Егор коснулся её плеча: не надо подставлять голову под край. Она сместилась, оставаясь в освещённой части.

— Дальше, — выдохнул мужчина.

Дарья почувствовала облегчение от того, что он всё-таки заговорил. Голос оказался совсем хриплым. Не таким, как она слышала минуту назад, но боль и неподвижность могли объяснить многое.

— Сколько там?

Грач попытался поднять левую руку и сразу зажмурился. Егор придержал её так, чтобы она больше не двигалась, начал задавать короткие вопросы. Мужчина отвечал глазами и едва заметными кивками. Дарья передала наверх: один найден, жив, требуется вынос, остальные пока не обнаружены.

Олег переспросил о проходе. Она описала поворот, уступ и то место, где придётся разворачивать человека. Саша уже смотрел назад, прикидывая, как пропустить снаряжение, не зацепив связь.

Грач ткнул фонарём Дарье в рукав. Она обернулась.

Он хотел что-то показать. Не впереди, не за камнем — в собственной сжатой руке. Фонарь застрял между большим пальцем и ладонью, остальные пальцы держали тонкую белую пластинку.

— Больно разжать? — спросила она.

Он качнул головой и раскрыл пальцы.

Пластинка лежала на ладони. Края её были неровными, но одна сторона — совершенно гладкой. Там, где Грач сжимал находку, остался влажный след. Дарья не стала брать её голой рукой. Поднесла свет ближе.

— Это откололось? От стены?

Мужчина смотрел мимо неё.

— Не…

Дарья ждала. Егор тоже перестал говорить.

— Не камень, — произнёс Грач.

Саша сделал полшага ближе, но Дарья движением руки остановила его. Места и без того было мало. Она показала на находку.

— Я сохраню. Только сначала вас отсюда уберём.

Грач закрыл глаза. По его лицу прошла короткая судорога; Дарья решила, что он наконец позволил себе почувствовать боль. Она помогла ему выпустить находку в чистый пакет. Саша убрал пакет в наружный карман мешка. Маленький фонарь Дарья положила на выступ рядом с правой кистью Грача. Егор попросил подать нужное из мешка, и они занялись человеком.

Когда Грача удалось немного удобнее разместить, он вдруг снова открыл глаза и схватил Дарью за рукав. Теперь хватка была слабой. Она услышала шёпот:

— Не зовите.

— Мы вас не оставляем.

— Их… не зовите.

Она хотела спросить, кого именно. Но из хода за гладким выступом донеслось:

— Здесь.

Грач не открывал рта. Его губы были плотно сжаты, и он смотрел на Дарью так, словно она наконец должна была понять самую простую вещь.

Голос повторил:

— Здесь.

Глава 2. Ответ из стены

Дарья удержала Грача за правое плечо, когда он попытался встать. Он оттолкнулся пятками от пола, съехал с камня и зашипел от боли. Егор подхватил его с другой стороны.

— Сиди. Сейчас тебя заберут.

Мужчина смотрел за Дарьину спину. Она повернулась, не отпуская его. Луч её фонаря прошёл по гладкому выступу, по тёмной щели над ним и задержался на воде. Ничего не двигалось.

— Там ещё человек? — спросила она.

Грач покачал головой.

— Кто там?

Он зажмурился. Из рассечённого уголка рта выступила кровь, и Дарья поняла, что он снова кусает губу, чтобы не заговорить громче.

Саша стоял у поворота с трубкой в руке.

— Идут к нам. Двое. Олег спрашивает, второй найден?

— Нет. Только голос. Скажи: источник пока не видим.

Саша передал ответ. Из трубки донеслось несколько слов; он уточнил, где им удобнее принять людей, и убрал её к боку. Дарья показала на маленький фонарь возле Грача.

— Этот с ним наверх. Не забудь.

— Вижу.

— И пакет у тебя снаружи.

— Тоже с ним?

Она взглянула на белое гладкое ребро.

— Отдельно Олегу. Скажи, где взяли. Пусть пока не открывает.

Грач следил за их руками, как будто именно это сейчас решало, оставят его здесь или нет. Когда Саша поднял фонарь и убрал в свободный карман, мужчина позволил Егору немного поправить положение своей больной руки. Дарья помогла, не торопя его. Его куртка осталась выше, на выступе; теперь он начинал дрожать.

За поворотом послышались шаги. Короткий скрежет, ругательство, остановка. Саша ответил на оклик и пошёл навстречу, не теряя их из виду. Через минуту появились двое с транспортировочным снаряжением. Один сразу присел возле Грача, другой остался на более широком месте, чтобы не тесниться всем у камня.

С приходом новых людей здесь изменился воздух. Стало слышно больше обычных звуков: застёжки, дыхание, вопросы, на которые можно ответить. Дарья поймала себя на том, что почти ждёт смеха. Кто-нибудь скажет, что голос идёт из оставленного телефона, найдёт его за выступом, и она разозлится на собственное облегчение.

Человек из резерва спросил у Грача фамилию. Тот попытался ответить, но Дарья сказала за него, затем отошла, давая место. Егор остался помогать. Саша вернулся к линии связи.

— Запись может быть, — сказал он тихо.

Дарья кивнула.

— Посмотри отсюда. Только за край не заходи.

Он снял дополнительный фонарь с крепления на груди, включил его и поднял над плечом. Свет достал дальше Дарьиного: в глубине блеснула узкая полоска, похожая на металлическую скобу. Саша повернул луч, полоска исчезла.

— Там что-то лежит.

— Покажи ещё.

Теперь она увидела. На уровне человеческой груди, в щели между двумя светлыми выступами, поблёскивал продолговатый предмет. Расстояние было небольшим, но прямого подхода

не было: пол перед выступами круто уходил вниз. Тот, кто говорил, мог находиться ниже, и они видели бы только оставленную им вещь.

Дарья назвала себя и попросила отозваться. Грач попытался приподняться на носилках. Егор удержал его, что-то сказал совсем тихо.

— Здесь, — ответили из щели.

В этот раз голос прозвучал ближе. Саша резко повернул голову к Дарье; от движения свет упал на пол.

— Не двигай, — сказала она. — Держи там.

Он вернул луч.

Блестящая полоска раскрылась. Дарья увидела две влажные кромки и тёмный промежуток между ними. На мгновение они напомнили губы, хотя ничего похожего на лицо рядом не было. Светлый выступ вокруг оставался неподвижным.

— Это рот? — спросил Саша.

Дарья подняла ладонь, прося замолчать. Она не знала ответа. В голове возникло неприятное, вполне земное объяснение: человек зажат так, что видно только часть лица. Остальное скрыто, и любое необдуманное движение здесь может навредить ему ещё сильнее.

— Если вы нас видите, моргните, — сказала она и сразу почувствовала нелепость просьбы. Глаз не было видно. — Или пошевелите рукой.

Кромки сомкнулись.

Грач застонал. Один из пришедших попросил на минуту тишины: они начинали перемещать его. Дарья отвернулась, помогла принять край. Пока они укладывали мужчину удобнее, Саша не опускал света.

— Пошло, — сказал он.

Она сначала решила, что он говорит о носилках.

— Что?

— Там. Из стены.

Над щелью появилась тонкая светлая петля. Вытянулась, нашла опору выше, напряглась. Потом рядом возникла вторая. Между ними поднялась складчатая оболочка — длинная, плоская, без заметной головы. Она медленно отделялась от гладкого выступа, и полоска, которую они приняли за металл, двигалась вместе с ней.

Саша отступил на шаг. Пяткой задел мешок и тут же остановился.

Дарья не могла понять, как близко это находится. Светлая вещь сливалась со стеной; казалось, что поднимается сам тонкий поверхностный слой. Только нижняя часть, оторвавшись, бросила отдельную тень.

Существо оказалось длиной с её предплечье. Три тонкие опоры, похожие на согнутые полосы хряща, по очереди подтягивали тело кверху. Между ними висела влажная плёнка. Тёмная щель раскрылась, и из неё вышло человеческое:

— Здесь.

Один из людей у носилок шумно выдохнул. Егор, до этого не поворачивавшийся, посмотрел туда, куда светил Саша.

— Выводим, — сказала Дарья.

Она не крикнула. Слишком ясно представила, как Саша дёрнется, потеряет равновесие и хвататься будет не за что. Поставила руку ему на спину, показывая направление.

— Назад два шага. Медленно.

Саша отступил. Свет остался на существе. Оно не повернулось к ним, не прыгнуло, даже не ускорилось. Перебралось выше, прижалось к влажной стене и стало вытягивать из неё тонкую нить. Нить блестела. Дарья видела, как она постепенно укорачивается, исчезая в раскрытой щели.

Она вспомнила птицу, тянущую червя из земли, и от этого сравнения ей стало хуже. Всё, на что смотрела Дарья, вело себя слишком обыкновенно.

— Олегу сообщи, — сказала она Саше. — Вижу живое неизвестное существо. Не приближаемся. Грача выводят.

Саша поднял трубку, выговорил сообщение с третьей попытки. Олег переспросил. Дарья взяла переговорное устройство сама.

— Размер примерно с предплечье. Двигается по стене. Похоже, оно издаёт этот голос. Да, я вижу движение одновременно со звуком. Людей к нему не подпускаем.

Она слушала ответ, глядя на существо. То продолжало есть. Не смотрело на них, по крайней мере Дарья не различала ничего, чем оно могло бы смотреть.

— Снимем с места, где стоим. Грача передаём, потом вернёмся к контрольной точке. Дальше пока не идём.

Саша закрепил фонарь на груди и принял у Дарьи трубку. Другой рукой достал телефон, включил запись. На экране возникло мокрое белое пятно. Он направил второй свет чуть в сторону, и тело стало различимо.

— Есть, — сказал он.

Грач ухватил Дарью за ладонь. Его уже подготовили к выносу, и она не сразу поняла, почему движение остановилось.

— Не оставляйте…

— Вас несут. Я здесь.

Он сжал пальцы сильнее и попытался сказать что-то ещё. Егор наклонился к нему, но мужчина смотрел только на Дарью. Она подошла с той стороны, где ему не приходилось поворачивать голову.

— Я вас слышу.

— Не оставляйте ей…

Грач сглотнул и зажмурился. На бледном лице проступили капли пота.

— Кому?

— Женщине. Там. Она…

Он не договорил. Дарья не стала добиваться слов. Попросила тех, кто понесёт его, передать врачу, что говорить ему трудно, и наклонилась ещё раз.

— Мы ищем остальных. Сейчас вам надо наверх.

Грач отпустил её. На перчатке остались серые полоски от его пальцев.

Вынос занял больше времени, чем казалось, когда Дарья смотрела на проход пустым. Пришлось остановиться у поворота, поменять положение людей, принять носилки с другой стороны. Саша ушёл помогать до места, где хватало пространства. Перед этим отдал Дарье трубку и показал, в каком кармане пакет.

Она видела, как свет уносили вверх. Затем люди повернули, и осталось только пятно на стене. Дважды оно исчезало совсем, потом возникало снова. Наконец Егор, стоявший рядом, сказал:

— Прошли.

Дарья кивнула. Руки у неё дрожали. Она сжала их, потом разжала: стоять с кулаками было глупо и неудобно.

Существо добралось до тёмного углубления выше. На стене осталась влажная полоса; из неё торчал короткий конец вытянутой нити.

— Я думал, кусок лица, — сказал Егор.

— Я тоже.

— Чтоб его.

Он посветил в проход, по которому вынесли Грача, затем снова на стену. Дарья хотела спросить, на что это похоже, но не стала. Егор видел то же, что она. Ни возраст, ни число выездов не давали ему отдельного ответа.

Олег вызвал по линии. Дарья сообщила, что люди прошли, и спросила, видит ли он запись. Саша ещё не добрался до места, где телефон мог её передать.

— Я сейчас подниму специалистам, что у нас есть, — сказал Олег. — Вы выше отходите. Снимок стены есть?

— Сделаю.

— Не подходя.

— Поняла.

Она сфотографировала светлый выступ и пустое место, где сидел Грач. Последний кадр получился почти домашним: след обуви, смятая упаковка, маленькая тёмная лужа. Человека уже не было, и по снимку нельзя было понять, чего он боялся.

Егор забрал оставленную на выступе куртку с нашивкой. Бутылку с красной ниткой показал Дарье.

— Тоже его?

— Не знаем. Пусть пока стоит.

Они поднялись к контрольной точке. Отсюда ещё можно было увидеть слабый наружный свет. Дарья остановилась так, чтобы не мешать тем, кто шёл снизу, хотя за ними никто не шёл. Егор заметил, но не пошутил.

Впервые с начала спуска она захотела снять каску. Провести пальцами по волосам, вытереть лоб, стать на несколько секунд человеком, которого не держат ремни. Вместо этого поправила перчатку. Серая полоса на ней растянулась, словно Грач ещё держал её за руку.

— Ты видел, что оно ело?

— Видел, что тянуло. Что именно — не скажу.

— Из стены.

— Может, по стене. Свет там такой.

Она посмотрела на него.

— Ты мне не веришь?

— Даша, я хочу понять, что видел сам. Я с тобой не спорю.

Она отвернулась. Несправедливое раздражение не проходило сразу. Ей требовалось, чтобы кто-то другой назвал увиденное теми же словами. Если Егор оставлял себе возможность сомневаться, ей казалось, что она остаётся у той стены одна.

Над ними хрустнул камешек. Появился свет, потом знакомая каска. Саша спустился к площадке без носилок и остановился, переводя дыхание.

— Его приняли. Пакет у Олега, фонарь с ним. Запись отправилась.

Дарья кивнула.

— Куртку ещё передать надо.

Егор поднял куртку за ворот. Саша протянул руку, но потом вспомнил что-то и не взял.

— Он сказал, людей больше.

— Кто?

— Грач. Уже у выхода. Там его спросили, кого искать. Он сначала не смог, а потом показал.

Саша поднял раскрытую ладонь и один палец другой руки.

— Шесть.

Дарья некоторое время смотрела на его руки.

— Всего шесть или ещё шесть?

— Всего. Он подтвердил. Олег сейчас разбирается со списком.

Егор опустил куртку. Белая нашивка на рукаве повернулась к Дарье, и она наконец прочла фамилию целиком: «ГРАЧ».

— Двое без записи? — спросила она.

— Получается.

Саша потёр лицо тыльной стороной запястья, стараясь не коснуться перчаткой.

— И про женщину он ещё раз сказал. Там внизу Шестова. Ей нельзя ничего отдавать.

— Что нельзя?

— Он не смог объяснить. Его уже к врачу повезли.

Дарья посмотрела на оставленную куртку. Ей вдруг захотелось разложить её на камне, проверить карманы, найти записку — всё что угодно, где человек мог бы сказать спокойно и связно то, чего сейчас не позволяли сказать боль и страх.

Она не разложила. Взяла трубку и вызвала Олега.

Над контрольной точкой был виден кусочек вечернего неба. Он оставался светлым, и Дарья ещё могла различить в нём тонкое облако. Там, наверху, день продолжался без них.

Глава 3. Чужой фонарь

На ремешке фонаря было написано «Антон». Чёрным маркером по жёлтой изоленте, крупно и разборчиво. Инна повернула ремешок надписью внутрь, чтобы он не мешал пальцам, и сразу разозлилась на себя: пальцам ничего не мешало.

— Вадим, я свечу. Скажи, если в глаза.

— Ты сначала попади.

Она опустилась на колени. Между краем плиты и полом оставалась щель, в которую можно было просунуть кисть, но не плечо. Луч прошёл по щебню, по оторванной лямке и упёрся в подошву. Вадим сидел боком к ним; с этой стороны Инна видела его правый ботинок. Левый застрял дальше, под краем другого камня. Сам камень почти не просматривался.

— Выше бери, — сказал он.

Свет достал до щеки. На ней засохла тонкая полоска крови. Вадим прищурился, поднял ладонь, и Инна отвела фонарь.

— Как нога?

— На месте. Уже спрашивала.

— Боль сильнее?

— Такая же.

Он говорил ровно, с неприятной для неё вежливостью. До обвала они успели поссориться из-за последнего участка съёмки. Теперь Вадим отвечал на каждый вопрос отдельно, словно заполнял предложенную форму и не собирался выходить за её пределы.

Инна положила фонарь набок, направив его через щель на стену за ним. Отражённого света хватало, чтобы различить лицо. Потом села на пятки. На коленях у неё темнели два мокрых пятна; вода медленно просачивалась из-под плиты и собиралась в неровной ложбинке.

Илья стоял в нескольких шагах, подняв маленькую камеру. Он больше не говорил в неё. Снимал проход, загнутую полосу металла под ногами, чёрный футляр с расколотой крышкой, затем снова поворачивался к щели. Красная точка на корпусе раздражала Инну сильнее, чем свет собственного фонаря, отражавшийся от камня ей в глаза.

— Убери пока.

— Я не тебя.

— Убери камеру, Илья.

Он опустил руку.

— Вадим сам попросил.

— Что попросил?

— Снять, как тут лежит. Чтобы объяснить тем, кто будет вытаскивать.

Инна посмотрела в щель.

— Да, я попросил, — сказал Вадим. — Он один у нас с камерой. Я решил воспользоваться.

От его спокойствия стало совсем тяжело. Инна отодвинула от себя пустой футляр, освобождая Илье место, и тот присел. Посветил своим фонарём, снял зазор с двух сторон. Вадим терпеливо показал, где находится левая нога, хотя в кадр попадало только его колено.

— Ботинок сдавило, — сказал он. — Носок. Стопу я не вижу. Вот здесь камень. Дальше не тянется.

Илья перестал снимать.

— Нормально? Так пойдёт?

— Если выйдет кто-нибудь с этим, пойдёт.

Инна отвернулась к проходу. Дальше, за низким поворотом, света не было. Марк ушёл туда с Кириллом искать обход. Он сказал, что помнит соединение между двумя галереями.

Сказал сразу, как только убедился, что плиту своими силами они не поднимут, и тогда это показалось удачей. Теперь Инна вспоминала другое: в её материалах такого соединения не было. Участок считался тупиковым. Марк сам попросил не тратить на него время.

Илья убрал камеру в мягкую сумку, но оставил застёжку открытой.

— Они ведь могли выйти в другой стороне?

— Кто?

— Ну… эти двое.

— Если вышли, вызовут помощь.

— Да. Я про это.

Он провёл ладонью по колену. На ткани остался светлый след. Раньше Илья постоянно стряхивал с себя пыль, особенно с чёрных вставок на куртке; ему нравилось попадать в собственный фильм опрятным. Сейчас он даже не заметил.

Инна вынула из нагрудного кармана сложенный лист. Бумага была в прозрачном чехле, края которого уже разошлись на сгибе. На листе она от руки перенесла основные повороты, несколько размеров и места, куда дошли вчера. Более точные материалы лежали в приборе, но ей нравилось иметь рисунок, на который можно положить палец. Так человек быстрее понимал, где стоит.

Сейчас палец не помогал.

Проход за спиной Вадима должен был выводить в полость с двумя белыми столбами. После обвала уцелел только узкий промежуток вдоль стены, и с их стороны он был закрыт наклонной плитой. Они не могли протиснуться к Вадиму. Он не мог снять зажатый ботинок и подойти к ним. Оттуда, где сидела Инна, всё препятствие казалось до обидного небольшим.

Она перевернула лист. С обратной стороны сохранилась её вчерашняя запись: «Повторить нижний участок. Не сходится». Под ней — знак вопроса, наведённый несколько раз.

— Я пока пройду назад до развилки, — сказала она. — Посмотрю, не слышно ли сверху.

— Уже ходили, — отозвался Вадим.

— Я ещё раз.

— Только вернись.

Она подняла голову. Лицо в щели почти не было видно; чужой фонарь освещал стену за Вадимом, а его щёку оставлял в тени.

— Я вернусь.

— Фонарь оставь, — сказал он.

Инна потянулась к ремешку и остановила руку.

— Он здесь и останется.

Она встала. Илья тоже начал подниматься.

— Ты с ним, — сказала Инна.

— Я понимаю.

В его ответе послышалась та же аккуратная вежливость. Инна сунула рисунок в карман и пошла, стараясь не задеть ногой бутылку у стены.

***

До развилки она добралась быстрее, чем в прошлый раз. Уже знала, где приходится согнуться, на каком участке лучше идти боком, где из-под ботинка выскальзывает гладкий щебень. Всё это она запоминала с неприятной лёгкостью. В обычном незнакомом подземелье такое запоминание радовало: тело постепенно усваивало пространство, и работа шла спокойнее. Здесь каждый узнаваемый камень подтверждал, что выхода пока нет.

У развилки лежал разбитый передатчик, который Илья оставил для связи с верхним участком. Корпус был прижат узкой плитой. Снять её они попробовали ещё сразу после обвала;

при первом движении сверху посыпалось, и пришлось отступить. Инна сейчас даже не приблизилась. Посветила на него из прохода, словно могла увидеть включившийся огонёк сквозь раздробленный пластик.

Выше начиналась осыпь. Ещё сегодня по этому месту прошёл Антон Грач.

Он возвращался один и сердился открыто, без всякой вежливости.

— Мне ваш добавочный час не нужен. Я наверху подожду.

Инна тогда держала его запасной фонарь. Ей понадобился широкий свет, чтобы снять дальнюю стену; собственный налобный давал слишком узкое пятно. Антон дал фонарь, когда они ещё собирались работать вместе. Потом услышал потрескивание, которого она не услышала, и сказал, что с него хватит.

— Ещё этот участок, — ответила Инна. — Здесь два поворота. Я уже всё выставила.

— Значит, уберёшь.

— Антон, десять минут.

Илья в тот момент переставлял свет. Вадим ждал, пока освободится проход. Они все устали; от последнего участка зависело, смогут ли завтра начинать сведение материалов. Инна помнила, как подумала: стоит одному уйти, остальные тоже засобираются, и работа опять останется с дырой посередине.

— Мне мой фонарь отдай, — сказал Грач.

— У тебя же есть.

Он вынул из кармана маленький ручной. Включил, выключил. Не показал ей разницу в свете — она сама её знала.

— Есть.

— Тогда оставь этот. Я вынесу.

Она произнесла это почти ласково, уже повернувшись к стене. Считала, что спор закончен. Грач некоторое время стоял у неё за спиной, потом ушёл.

Теперь Инна смотрела на осыпь и пыталась представить, сколько он успел пройти. В этой части ход поднимался довольно круто. Он мог выйти до падения камней. Мог оказаться выше и ждать помощи снаружи. Мог сидеть в таком же зазоре, как Вадим, но один.

Она громко позвала его.

Ответа не было.

Позвала ещё раз, прислушалась и выключила свой фонарь на несколько секунд. Иногда в темноте легче было сосредоточиться на звуке. Сразу пожалела: исчез последний признак расстояния до осыпи. Она стояла в полной черноте и слышала, как её куртка шуршит от дыхания.

Свет вернулся туда же. Щебень, раздавленный передатчик, белая дуга в стене справа.

Инна перевела луч на дугу.

Ещё вчера она принимала её за отдельный светлый пласт. Сняла несколько точек, подписала на рисунке границу пород и ушла дальше. Теперь на поверхности выступили мелкие ямки. Они начинались возле пола, поднимались двумя неровными рядами и исчезали за поворотом. В каждой на дне было темнее, чем вокруг, словно тонкий белый слой протёрли до подкладки.

Из нижней ямки выпала крошка. За ней ещё одна.

Инна присела, не приближаясь к стене. В глубине отверстия что-то скребло. Очень тихо; если повернуть голову, звук терялся в шорохе одежды. Она положила ладони на колени и замерла.

В отверстии появился белый зубец. Провёл по нижней кромке, снял с неё тонкую стружку и убрался. Инна успела увидеть, что зубец был раздвоен. Следующее движение пришлось чуть левее: изнутри соскоблили ещё немного. Крошки сыпались на прежнюю кучку.

Она отступила, не выпрямляясь сразу. Ударилась затылком о низкий выступ; каска стукнула так громко, что скрежет пропал. Инна застыла, прижимая руку к стене позади себя. Ничего не вылезло.

Ей захотелось немедленно позвать Илью и показать. Очень знакомое желание: увидеть первой было мало, требовалось, чтобы кто-нибудь ещё успел увидеть то же самое. Она открыла рот, но передумала. Илья сидел возле Вадима. Если позвать, он придёт с камерой, и они оба оставят человека одного.

Инна медленно выпрямилась. Посветила под ноги, выбрала место для первого шага. Ушла, не дожидаясь, когда скрежет возобновится.

В низком проходе ей мешал карман с рисунком. Прозрачный чехол цеплялся отогнутым углом за куртку, и Инна прижала его ладонью. Два вчерашних слова — «не сходится» — почему-то вспоминались вместе с аккуратными ямками. Она не могла пока объяснить связь. Знала только, что возвращаться туда с измерениями не хочет.

***

Илья сидел у щели, вытянув ноги. Из камеры торчал короткий провод; другой конец уходил к внешнему аккумулятору у него на колене. Вадим что-то рассказывал. Инна услышала только окончание:

— …так что у меня жена теперь считает, что я в командировках сплю.

— А ты не спишь?

— Смотря с чем сравнивать.

Вадим заметил её свет и замолчал.

— Что наверху?

— Там так же. Антона звала, ответа нет.

Илья посмотрел на её каску.

— Ты ударилась?

— Чуть-чуть. Задела потолок.

Она села возле него. Нужно было рассказать про зубец, но слова не складывались в то, что имело смысл говорить человеку с зажатой ногой. В стене что-то ест стену. Там есть животное, которого я не видела целиком. Оно совсем небольшое — или я видела малую часть.

— У развилки сыплется белый слой, — сказала она наконец. — Я туда больше не полезу.

— Из-за этого ударилась?

— Нет. Сама.

Илья кивнул. Она ожидала вопроса, почему вернулась так быстро, но он отстегнул сумку от пояса и отодвинул её, чтобы Инне было удобнее сидеть.

В щели показалась рука Вадима.

— Бутылку дай ещё.

Инна взяла стоявшую у стены воду. Крышку открутила сама, передала бутылку через зазор горлышком вперёд. Вадим принял её, осторожно переставил, выпил немного. Вернул с извинением: он не мог держать бутылку ровно, и вода пролилась ему на грудь.

— Высохнет, — сказала Инна.

— Здесь-то?

Она не ответила.

Пока она закручивала крышку, Вадим протянул руку к оставленному фонарю. Пальцы не дотягивались. Инна придвинула фонарь ближе, но он остановил её:

— Не мне. Поверни сюда, на бок. Тут какая-то дыра открылась.

Белая полоса за его плечом выглядела ровной. Инна уже заметила её, когда освещала лицо, но не присматривалась. Теперь в нижней части полосы темнело отверстие размером с монету. Ещё одно находилось выше; его почти полностью закрывал рукав Вадима.

— Отсядь от стены, — сказала она.

Он попробовал передвинуться и застонал. Нога держала его, не позволяя развернуть таз. Вадим упёрся правой ладонью в пол и замер.

— Не получается.

Инна наклонилась к щели.

— Хотя бы плечо. Не прижимайся к белому.

— Шестова, я сейчас сам весь белый. Покажи.

Она направила свет. Вадим проследил за лучом, увидел отверстие возле локтя и убрал руку. Из него высыпалась горсточка светлой крупы.

Илья отсоединил камеру от аккумулятора и подвинулся, чтобы снять через щель, но Инна закрыла ему обзор плечом.

— Дай мне место.

— Я же могу отсюда…

— Потом.

Она слышала скребущий звук. На этот раз ближе и отчётливее: будто кто-то проводил краем ложки по сухой корке. Отверстие постепенно расширялось, его нижний край исчезал неровными кусками. Вадим смотрел на стену, выворачивая шею. Ладонь, которой он упирался в пол, начала скользить.

Инна просунула в щель руку.

— Дай правую.

— Если отпущу, лягу.

— Я держу. Давай.

Он всё-таки ухватился за неё. Его пальцы оказались холодными и мокрыми. Инна откло-нилась назад, приняла часть веса, но вытянуть его не могла: между ними стояла плита. Держала только затем, чтобы он не осел плечом на белую полосу.

Илья отложил камеру, встал за ней и обхватил за пояс. Ничего не сказал. Его помощь пришлась так вовремя, что Инна едва не расплакалась от благодарности и злости сразу.

Из отверстия высунулось тупое раздвоенное острие. За ним — второе. Они работали по очереди, крошили белый край и исчезали внутрь. Вадим дышал в открытый рот. Инна видела его лицо и бок стены, а самого существа не видела.

— Не тяни сильнее, — сказал Вадим. — Ногу…

Она ослабила усилие. Снова чуть потянула, только удерживая его в прежнем положении. В плечо упёрся край щели, боль была терпимой, почти полезной: позволяла думать о своей руке, а не о том, что находилось за его спиной.

В дальнем проходе появился свет.

— Сюда! — крикнул Илья. — Быстро!

Кирилл вышел первым, пригнувшись. Нёс за короткие ручки большой тёмный мешок. Увидев их, поставил его на пол и шагнул к плите.

— Что случилось?

— За ним, — сказала Инна. — В стене.

Кирилл наклонился, посветил. Лицо не изменилось, но он сразу повернулся к Марку, который появился следом.

— Уже здесь.

Инна подняла на него глаза. Кирилл не посмотрел в ответ.

Марк опустился на колено рядом с ней. Не стал трогать плиту. Через щель назвал Вадима по имени, попросил не делать резких движений, затем оглядел пол справа.

— Там есть место, где можно опереться коленом?

— Правым могу, — ответил Вадим. — Левое не идёт.

— Правым. Попробуйте.

Он говорил негромко, и Вадим почему-то послушался без возражения. Медленно подогнул свободную ногу. Инна почувствовала, что его вес уменьшился. Кирилл подвинул ей под локоть собственную свёрнутую перчатку, не предлагая отпустить руку, и она смогла немного изменить положение.

Марк смотрел на белую стену. На его щеке была свежая длинная царапина, но руки оставались целыми. Инна заметила это странным, придирчивым взглядом: у него были обе свободные руки, а он ничего не держал.

— Где обход? — спросила она.

— К этой стороне не ведёт.

— Вы сказали, соединение.

— Я проверил. Здесь не получится.

Из отверстия выпал кусок с ноготь. Вадим дёрнулся, но удержался на колене. Его рука стиснула Иннину так, что она перестала чувствовать два пальца.

— Тогда поднимайте её, — сказала Инна. — Делайте что-нибудь.

Кирилл провёл светом по верхнему краю плиты. Выше лежали ещё камни, зажатые между стенами. Он покачал головой.

— Руками не возьмём. А сдвинем — всё сюда пойдёт.

— Я знаю!

Она знала. Именно поэтому до сих пор сидела здесь. Но теперь перед нею стояли двое, вернувшиеся с тяжёлым мешком, и ей хотелось, чтобы хоть один из них ответил не о камнях.

Марк снял с плеча небольшой рюкзак, открыл боковой карман. Вынул плотный чехол, развернул его: внутри лежал серый лист из какого-то гибкого материала.

— Кирилл, держи свет. Инна, я подам ему это. Между плечом и стеной.

— Что это?

— Защита для прибора. На минуту хватит.

Он просунул лист через щель. Вадим свободной рукой принял его, прижал локтем к стене и смог немного откинуться. Раздвоенные острия упёрлись в серую поверхность. Раздался негромкий треск. Материал прогнулся, но не разошёлся.

Инна продолжала держать Вадима. Спросила, удобно ли ему, и он коротко кивнул. Мог бы отпустить её, однако не отпускал. Она не стала убирать руку.

— Теперь надо звать сверху, — сказал Марк.

Инна смотрела на серый лист. Напротив отверстия уже белели две борозды; при каждом толчке они становились длиннее.

— Мы звали, — ответила она. — Пока вас не было.

Илья разжал руки у неё на поясе. Отступил на шаг, прислушиваясь. Потом поднял ладонь, и все замолчали.

Откуда-то сверху донёсся стук. Три удара, пауза, ещё три. Кирилл повернулся к проходу. Марк посмотрел на него, и Инна успела увидеть короткое движение его головы: мешок нужно было убрать с дороги.

Она стиснула руку Вадима в ответ.

— Слышишь? — сказала она. — Теперь они нас услышат.

Глава 4. Пятый в списке

Олег назвал фамилию Артеева, и Егор поднял глаза.

— Знаешь? — спросила Дарья, прикрыв трубку ладонью.

— Слышал. Потом.

Она снова поднесла трубку к уху.

— Повтори второго.

— Важенин Кирилл. Первый — заказчик, второй у него работает. Приехали отдельно. Представитель теперь вспомнил, что они тоже могли войти.

— Могли?

— Я понял, Даша. Вы ищете пятерых оставшихся. Эти двое взрослые мужчины, одежду и снимки сейчас передадим.

— Грач ещё что-нибудь сказал?

— Его везут. Сообщат, когда врач разрешит с ним поговорить. Сейчас не дёргаем.

Дарья посмотрела вниз. С контрольной площадки было видно, как провод уходил вдоль стены, минуя острый край. Дальше находился знакомый поворот, а за ним — мокрая ниша, где существо тянуло блестящую нить. Она пыталась представить, что сказала бы Олегу час назад, услышав такое сообщение от другой группы.

— По записи есть ответ?

— Попросили оригинал, без пересылки через мессенджер. Саша дал. Ещё снимки ждут. Быстро не будет.

— Поняла.

— Дальше от этой стены можно пройти, не приближаясь?

— По противоположной стороне. За поворотом надо смотреть.

Олег помолчал. Она слышала, как наверху кто-то обращается к нему, но слов не разобрала.

— Продолжаете поиск со связью, — сказал он. — Если таких окажется больше, не пробивайтесь через них. Мне сразу об изменениях. Следующая группа готовится за вами.

Дарья повторила ответ и отдала трубку Саше.

Егор всё ещё держал Грачёву куртку. Аккуратно свернул её рукавами внутрь, чтобы не цеплялись, положил на свободную площадку выше прохода. Через несколько минут спустился один из тех, кто помогал выносить пострадавшего. Принёс дополнительные принадлежности для линии связи и распечатанные фотографии; куртку принял, выслушав, чья она. Теперь эту вещь можно было больше не помнить.

На верхнем снимке стоял седой мужчина в тёмном пальто. Справа от него виднелась половина стеклянной витрины. Он не смотрел в объектив, а объяснял что-то человеку за краем кадра. Фотография была явно не сегодняшняя.

Второй мужчина оказался моложе. Короткие волосы, широкая шея, чуть сведённые брови. Снимок, похоже, взяли из документа. Дарья запомнила форму ушей, потому что без волос и выражения лица люди на таких фотографиях становились похожи друг на друга.

Она показала листы Егору и Саше, затем сложила их в карман.

— Где слышал Артеева?

— Про выставку говорили. Несколько лет назад. Он что-то своё привозил — окаменелости, кажется.

— А здесь что ему нужно?

— Как найдём, спросим.

Егор поправил крепление мешка. Дарья ждала продолжения, но его не было. Она снова подумала об июле, когда спрашивать такие простые вещи придётся у другого человека. У

нового напарника могут быть другие паузы. Непонятно будет, замолчал он потому, что всё сказал, или потому, что не хочет отвечать.

— Даша.

Егор показывал на её подбородочный ремень. Она ослабила его у контрольной точки и не затянула обратно.

— Вижу.

Она поправила застёжку. Проверила, готовы ли остальные, и пошла первой.

***

Возле прежнего места Грача стало тише. Вода ещё блестела на светлом выступе, бутылка с красной ниткой стояла там, где её оставили, но человеческого голоса не было. Дарья не стала освещать верхнюю нишу дольше, чем требовалось для прохода. У противоположной стены оставалась полоса неровного серого пола. По ней можно было обойти снижение, не приближаясь к тому месту, где ползло существо.

Теперь она замечала белый слой повсюду. Он выходил из обычного серого камня полосами разной ширины. Иногда напоминал гладкую трубу, вросшую в стену, иногда — просто замазанный шов. Одно место было расцарапано до тёмного. Дарья остановила на нём свет, затем вернула луч под ноги. Если рассматривать каждое пятно, они здесь и останутся.

За поворотом проход расширился. Слева лежал обломок треноги, справа на стене кто-то провёл красную черту. Под чертой было написано «7». Саша сфотографировал знак и передал Олегу, что они дошли до новой отметки.

Егор присел у треноги. Не поднимал её, только посмотрел на конец одной ноги.

Он посветил на светлый излом под слоем серой пыли.

— В обвал попала? — спросила Дарья.

— Может быть. Дальше ещё кусок лежит.

Дарья кивнула. Егор не утверждал, что здесь лежит человек, и всё-таки ей пришлось заставить себя не позвать сразу. Она дождалась, пока Саша закончит сообщение, и только потом назвала себя, попросила отозваться.

Ответ пришёл почти немедленно.

— Здесь.

Дарья почувствовала, как напряглась спина. Слово было то же самое, с тем же слабым выдохом в конце. Звучало из нижней части прохода.

Егор посмотрел на неё. Ничего не сказал.

— Назовите фамилию! — крикнула она.

Тишина.

Саша стоял с трубкой у щеки. Дарья показала ему подождать. Внизу, за круглым выступом, шевельнулась тень — быстро, почти незаметно. Ей показалось, что существо перескочило на другую стену. Но луч не поймал отдельного тела, и она не могла сказать, было ли там вообще движение.

— Не идём на один голос, — произнесла она негромко. — Смотрим проход.

И тут снизу донёсся иной звук. Несколько глухих ударов, неравных по силе; пауза; ещё один, едва различимый.

Дарья подняла руку. Все перестали двигаться.

Стук не повторился. Она слышала только потрескивание связи возле Сашиного лица и чьё-то тяжёлое дыхание. Потребовалось несколько секунд, чтобы понять: собственное.

Егор указал на серый отрог справа. За ним находилась узкая наклонная щель, которую отсюда не было видно целиком. В неё уходила красная полоска на стене.

Они подошли ближе. Пол под ногами оставался твёрдым; рыхлая осыпь лежала в стороне, за белой дугой. Дарья не касалась её. Вниз уходили два разных промежутка: один низкий и широкий, второй вдоль обычной скалы, где приходилось бы двигаться боком.

— По узкому дальше видно, — сказал Егор. — Площадка есть.

Дарья посмотрела. Действительно, за сужением лежал небольшой сухой уступ. Из него открывался следующий поворот. Не весь путь, только место, где можно остановиться.

Она спросила Сашу о линии, дождалась ответа. Пока он сообщал их положение, Егор оценил вход в щель и подготовил переход. Дарья следила за его руками. Он работал без привычного рассеянного разговора; не было даже тихого комментария о мешке, который всякий раз норовил занять больше места, чем человек.

— Ты как? — спросила она.

Егор оглянулся.

— Не нравится мне здесь.

— Мне тоже.

— Я не про голос.

Он посветил на нижний край белой дуги. Под ней была кучка свежей крошки. Одна крупинка сдвинулась, скатилась и упала с края. Следом — ещё несколько.

— Оседает, — сказала Дарья.

— Или изнутри сыплется. По белому не ставим.

Она посмотрела на серую стену, выбранную для перехода. По этому пути они обходили и дугу, и осыпь. Если он окажется закрыт ниже, придётся вернуться. Дарья попросила Олега не направлять следующих людей к белой опоре, подробно объяснила развилку. Саша повторил для связи названные ориентиры. Так у наружной группы появилось хотя бы описание того, чего они ещё не видели.

Первым в щель прошёл Егор. Остановился на уступе, осмотрел место дальше. Мешок приняли отдельно, затем спустилась Дарья. Пока она поворачивалась боком, у неё за плечом оставался узкий кусок пространства, куда можно было отступить. Ей хотелось всё время видеть его. Она сдержалась и смотрела туда, куда ставила ногу.

На уступе пахло иначе: влажной землёй и чем-то сладким, застоявшимся. Дарья проверила показания прибора, сообщила, что сигналов по измеряемым компонентам нет. От этого запах не стал приятнее.

Саша прошёл последним, следя за проводом. Теперь между ними и верхней площадкой находилась только серая щель. Связь работала. Дарья услышала голос Олега и испытала почти детское облегчение: человек наверху подтвердил, что они всё ещё существуют в одном месте с ним.

Егор опустился возле края следующего поворота.

— Свет есть.

Дарья встала рядом, не заступая за него. Внизу, очень далеко или совсем близко — угол не позволял понять, — дрогнуло бледное пятно. Оно двигалось поперёк, скрывалось и появлялось снова. Потом стало неподвижным.

— Люди! — позвала она.

Ответа не было. Егор взял небольшой камень с серого пола, трижды ударил по соседнему выступу. Выждал и повторил.

Снизу закричали. Слова слились, но человеческий голос был живым, сердитым, а вслед за ним прозвучал другой. Дарья не позволила себе сделать из этого вывод. Здесь уже был голос, которому не требовалось человека.

— Сколько вас? — крикнула она.

— Пятеро! — ответили снизу. — Один зажат! Вы где?

Саша прикрыл трубку ладонью.

— Олег слышит.

Дарья подошла к повороту настолько, насколько позволял уступ. Луч прошёл по наклонному камню, скользнул вниз и остановился на человеческой ладони. Рука торчала сбоку, в узкой полосе тёмного пространства. Она помахала им, затем исчезла.

— Не лезьте сюда, — сказала Дарья. — Мы к вам спускаемся. Назовитесь!

— Шестова! Инна Шестова! Серов под камнем, ногу прижало!

Дарья оглянулась на Егора. Он уже смотрел дальше, туда, откуда показалась рука.

— Грач? — крикнула женщина. — Вы Антона не нашли?

— Нашли. Он у врачей.

Снизу что-то произнесли, но Дарья не расслышала. Затем голос стал заметно громче:

— Здесь стена крошится! Рядом с ним!

Она попросила не отходить от пострадавшего и дать им несколько секунд. Саша передавал сведения наверх. Следующая группа должна была идти с оснащением для выноса; теперь стало известно, что нужно готовиться ещё и к освобождению ноги. Дарья описала доступный путь, не называя его свободным для носилок: пока они прошли по нему только втроём и с мешками.

Егор показал на сужение внизу.

— Туда с нашей стороны можно. Но вещи отдельно.

— Проверяешь. Я за тобой.

— Ты останься на голосе, пока не посмотрю.

Она чуть не возразила. Ему пришлось бы потом снова уступать ей место, передавать мешок, ждать, пока она разглядит уже увиденное им. Никакой пользы в этом не было. Дарья кивнула и позвала Инну.

Женщина ответила сразу. Сейчас, когда между ними оставалось меньше камня, в её голосе было слышно усилие.

— Вы можете подойти к Серову с другой стороны? — спросила Дарья.

— Нет. Плита. Мы ему только руку держим.

— Не поднимайте плиту. Наш человек смотрит, как спуститься. Что с ногой?

— Левый ботинок зажат. Дальше я не вижу.

— Он с вами разговаривает?

— Да.

— Как давно зажало?

— С обвала. Я… больше часа. Точно не скажу.

Дарья передала ответ Саше. Снизу донёсся мужской голос: он просил Шестову немного изменить положение руки. Инна отозвалась на просьбу, и по этому короткому обмену Дарья впервые представила её: сидит неудобно, держит человека, а сама уже не чувствует пальцев.

Предупреждение Грача осталось в памяти, однако сейчас к нему добавилось другое свидетельство.

— Инна, — сказала Дарья. — Тебе есть куда опереться?

Женщина не сразу ответила.

— Есть. Мне подложили.

— Хорошо. Слышишь меня? Меня Дарья зовут.

— Да, слышу.

— Егор к вам спускается. Сейчас увидит, что можно сделать. Я рядом.

Внизу появился его свет. Он не пошёл прямо к женщине; остановился над другой стороной плиты, присел. Затем позвал Дарью. Она различила по тону, что ему требуется её присутствие, и предупредила Инну, что подойдёт ближе.

Саша оставался у линии, пока Дарья спускалась. Сначала она увидела каску Егора, потом наклонённую человеческую голову под ним. Мужчина сидел за плитой почти вплотную к белой

стене. Одно плечо было отведено вперёд, правая рука тянулась через низкую щель к невидимой отсюда Инне. Левой он удерживал у спины серый лист. В лист упиралось что-то из стены.

Дарья присела рядом с Егором. Отсюда можно было различить зажатый ботинок и большой камень над ним. Егор уже смотрел не на ботинок.

Белая полоса за плечом мужчины растрескалась. В ней было несколько отверстий, и в каждом шевелились одинаковые тупые острия. Они двигались попарно, снимали крупинки с кромок, работали с настойчивостью маленьких исправных механизмов.

Одно отверстие соединилось с соседним. Между ними повис белый язычок и сломался под собственным весом.

— Это что? — спросил мужчина, поворачивая голову к Дарье.

Она увидела его впервые и уже знала имя.

— Вадим, я помогу вам отодвинуться. Только сначала посмотрю, что держит ногу.

Он кивнул. Вопроса не повторил. Дарья сняла мешок и положила рядом с собой, на серый камень.

Глава 5. Сухая сторона

У Серова был расстёгнут нагрудный карман. Из него торчала фотография на пропуске — маленькое розовое лицо, повёрнутое набок вместе с пластиком. На фотографии он улыбался. Настоящий Серов смотрел на Дарью снизу вверх и ждал, когда она перестанет разглядывать его ногу.

Камень прижал переднюю часть левого ботинка. Голень оставалась свободной, но повернуть стопу не получалось. За пяткой было пустое место. Дарья видела его и понимала, отчего Вадим так сердится: до освобождения, казалось, не хватало одного короткого движения.

— Тянуть больше не будем, — сказала она. — Егор, надо от стены его принять.

Егор присел с другой стороны. Они поддержали Серова так, чтобы он мог отвести спину вперёд, не двигая зажатой ногой. Только после этого Дарья попросила Инну отпустить его руку. Пальцы женщины показались из щели, побелевшие на костяшках; она медленно разжала их и ещё несколько секунд держала ладонь раскрытой.

— Можешь убрать, — сказала Дарья.

— Я убираю.

Голос прозвучал обиженно. Дарья не стала поправлять тон. Сейчас Шестовой полагалось обижаться на что угодно, только бы не продолжала держать вес человека онемевшей рукой.

Серов убрал серый лист из-за спины. На поверхности остались две глубокие борозды. Он посмотрел на них, словно ему подсунули чужую вещь, затем осторожно положил лист на пол.

— Вам это надо?

— Пока не трогайте.

— Это не моё, — сказал он. — На всякий случай.

Дарья услышала в его голосе прежнего человека — того, который мог спорить о квитанции, месте в машине или чужом инструменте. Стало легче спрашивать о боли. Она уточнила, что он чувствует, передала ответы Саше, который всё ещё находился выше, у линии, и попросила связать их с медиком. Егор тем временем освещал камень с другой стороны. Не шатал, не пытался проверить ногой, держится ли он. Здесь было достаточно одного лишнего движения, чтобы свободная голень тоже оказалась под тяжестью.

За плитой разговаривали. Дарья различала два мужских голоса и голос Инны; четвёртый человек молчал. Потом над краем показалась рука с фонарём.

— Дарья? — спросил мужчина.

— Да. Вы кто?

— Марк Артеев. Здесь нельзя долго оставаться.

— Тогда расскажите, что вы знаете об этой стене.

Некоторое время он молчал.

— Светлое разрушается. Мы видели ниже. В сером такого не было.

— Что именно видели?

— Они выходят изнутри. Если не трогать, иногда уходят сами.

Дарья посмотрела на отверстия за спиной Серова.

— Иногда?

— Я могу сказать только то, что видел.

Егор поднял на неё глаза. Она поняла без слов: сейчас не время вытягивать признание, которое Артеев не собирался делать. Но сведения о нижнем участке он им всё-таки дал, и Дарья передала их наверх вместе со своим наблюдением.

Вскоре Саша спустил ей трубку. Провод лёг на серый уступ, не касаясь белой полосы. Она говорила с медиком и одновременно следила за лицом Вадима. От его ровных ответов не становилось ясно, насколько повреждена стопа. Он жаловался, что ботинок стал тесным,

затем добавил: «Ну он и должен, наверное». Дарья не поддержала шутку. Сообщила о времени сдавления, о доступе и о том, что к стене больше нельзя прижиматься. Получила короткие указания и повторила, чтобы было понятно: расслышала.

Пока она говорила по линии, Серов не отрывал от неё глаз.

— Там врач?

— Да.

— Я думал, вы друг другу.

— Врач наверху. И ещё люди идут с тем, что здесь понадобится.

— Он сказал, можно вытаскивать?

— Мы готовим освобождение. Вадим, на эту ногу вставать не надо будет. Даже если захочется.

Он закрыл глаза. Она не стала добиваться нового ответа, отдала трубку Егору и устроилась так, чтобы удерживать Серова сзади, не касаясь белой стены. Егор вернул трубку Саше. Твёрдый край под Дарьиным коленом сначала не мешал, затем стал ощутимым. Она подложила под него сложенную часть собственного мешка.

Отверстия продолжали расширяться.

Одно находилось прямо за левым плечом Вадима. Из него выглянула гладкая бурая выпуклость, влажная по нижнему краю. Выпуклость поворачивалась медленно, упираясь во всё, что мешало выйти. Белые острия, которые Дарья видела раньше, сидели с двух сторон от неё. Она сначала приняла их за челюсти. Затем одно раздвинулось, сложилось иначе и стало опорой.

— Егор.

— Вижу.

Вадим открыл глаза и попытался повернуть голову. Дарья удержала его плечо.

— Лучше смотрите на меня.

Он всё-таки повернулся — ровно настолько, чтобы увидеть отверстие. Лицо изменилось. Человек перестал ждать освобождения и захотел вырваться сейчас, сразу. Его правая нога заскребла по полу, обе руки упёрлись в камень.

— Стойте! — сказала Дарья. — Левую держит!

Она почувствовала рывок всем телом. Егор подался к нему, не позволяя завалиться набок. Вадим застонал и застыл с открытым ртом. Несколько секунд только дышал. Потом произнёс очень тихо:

— Я понял.

Дарья не сказала, что всё хорошо. Одной рукой поддерживала его, другой убрала пропуск, вывернувшийся из кармана и зацепившийся за ремень. Пластик скользнул обратно. Это маленькое движение помогло ей не смотреть непрерывно на стену.

Сверху спустили жёсткий чехол. Егор принял его, положил на площадку возле ног. За чехлом появился спасатель в синей каске — один из тех, кто уже выносил Грача. Второй оставался на верхнем участке, помогая Саше передавать снаряжение.

Прежде чем открывать чехол, пришедший посмотрел на Вадима, на белую стену и на Дарью. Его брови медленно сошлись.

— Живое?

— Да. Оттуда выходит. Мы его отодвинули, насколько можно.

Он выдохнул, опустился рядом с Егором. Они коротко обсудили положение камня и места, где можно работать. Инструмент доставали по одному; лишнее оставалось наверху, чтобы не занимать маленький сухой уступ.

С той стороны плиты Инна спросила, что происходит. Дарья объяснила. В ответ женщина заговорила быстро, почти перебивая сама себя:

— Здесь снизу видна его опора. Камень, который на ноге, не соединён с плитой. Между ними есть щель. Если нужно, я посвечу от нас, будет лучше видно.

— Посвети.

Снизу появился широкий луч. Прошёл под камнем, задержался на нужном месте. Егор изменил положение и подтвердил, что теперь видит. Инна молчала, пока её не попросили перенести свет чуть левее. Дарья подумала о том, сколько времени они только что потеряли бы, не имея человека с другой стороны.

Серов следил за работой, приподняв подбородок. У него дрожала нижняя губа, и он всё время прижимал её к верхней. Когда Егор попросил его сказать, если боль изменится, Вадим кивнул слишком быстро.

— Не старайтесь нам помочь движением, — добавила Дарья. — Мы сами скажем, когда.

— Я уже понял, — повторил он.

Она услышала злость и оставила его в покое.

На белой стене разошёлся длинный шов.

Существо вышло не целиком. Сначала выдавилось одно толстое кольцо бурого тела, затем второе. Между ними виднелась тонкая светлая перемычка. Острия по бокам упирались в края, отламывали мешавшие куски. Из щели посыпалась крошка, несколько крупинок попали Вадиму за ворот. Он вздрогнул, но не попытался подняться.

Дарья прижала его к себе крепче. Ей оставалось удерживать человека, пока Егор и второй спасатель готовили подъём камня. Под руками у неё напряглись его мышцы. Он не был беспомощной тяжестью; каждое усилие, которое Вадим подавлял в себе, делало удержание труднее.

Бурые кольца опустились на пол. Их было четыре, соединённых мягким узким телом. Вместе они вытянулись почти на длину человеческой голени. На каждом кольце шевелилась пара твёрдых раздвоенных отростков. Они складывались и распрямлялись, переставляли тяжёлую влажную тушку короткими толчками. Головы Дарья не различала. На переднем конце открывалась небольшая круглая впадина, окружённая белыми складками.

Существо упёрлось в оставленный серый лист. Попробовало пройти поверх, съехало и повернулось. Дарья видела, как отросток прорезал одну из прежних борозд насквозь.

— Справа от него, — сказала она Егору.

— Ещё немного.

— Я вижу. Просто говорю.

Егор не ответил. Под камнем что-то коротко щёлкнуло; опора приняла вес. Спасатель в синей каске проверил положение и показал Дарье, с какой стороны можно поддержать ногу. Егор принял Серова под плечи, освобождая ей руки.

Вадим закрыл лицо правой рукой.

Камень отошёл совсем немного. Дарья прежде не видела, насколько сплющен носок ботинка, и теперь ей пришлось подавить желание потянуть быстрее. Они освободили стопу без нового рывка. Вадим выкрикнул одно короткое слово — не ругательство, а её имя, которое успел запомнить.

Потом уже лежал дальше от стены, на подготовленном месте, и никак не мог разжать пальцы на её рукаве.

Дарья позволила держать. Егор проверял ногу, пришедший спасатель разворачивал принесённое для переноса. По линии снова говорили с медиком. Всё, ради чего они работали возле камня, получилось, но облегчение ещё не приходило: Вадим побелел, боль не отпускала, и неизвестно было, что скрывает повреждённый ботинок.

У стены хрустнул серый лист.

Существо перевалило через него и дошло до белой крошки. Круглая впадина на переднем конце раскрылась. Из неё выдвинулись короткие складки, собрали несколько крупинок, втянули их внутрь. Оно ело. Никуда за людьми не пошло.

Другое кольцо показалось из стены.

— Уходим отсюда, — сказала Дарья.

***

До площадки выше было несколько шагов здоровому человеку. С Вадимом пришлось работать дольше. Пока его готовили к переносу и защищали повреждённую ногу, Дарья смотрела на стену. Белый участок оседал внутрь; оставленная подпорка удерживала отдельный камень, но не могла остановить то, что происходило за ним. Никто не стал забирать её ценой возвращения под отверстия.

Вадим попросил пропуск. Она показала, что он лежит в кармане, и застегнула карман по его просьбе.

— Там номер жены, с обратной стороны, — сказал он.

— Ей сообщат.

— Она с чужих не берёт. Вы два раза звоните.

Дарья передала это наверх вместе с остальными сведениями. Просьба заняла несколько лишних слов, но Вадим, услышав её в трубке, наконец отпустил её рукав.

Саша уже проверял, как вывести остальных. С верхнего уступа в сторону Инны открывалось узкое окно — та самая щель, в которой Дарья увидела чужую ладонь. До окна можно было дотянуться рукой, встав на каменный выступ, однако поднять туда себя без помощи и надёжной опоры они не смогли. Саша с человеком из резерва подготовили место для подъёма. Дальше нужно было передать вещи отдельно, по одному принять четверых и только затем пропустить через скальную щель наверх.

— Они все ходят? — спросила Дарья.

— Говорят, да. У Шестовой руку свело.

— Вадима первым по нашему пути. Эти пока ждут.

Саша передал. Из-за плиты донёсся мужской голос:

— Мы можем помочь нести.

— Сначала выйдите к нам. Порядок скажут.

Дарья не видела говорившего и не стала угадывать, кто именно предложил помощь. Осмотрела путь до верхнего уступа вместе с Егором. Там, где они недавно спускались с мешками, переносить человека приходилось иначе. Люди из резерва работали выше, принимая вес; она оставалась возле Вадима, Егор направлял движение снизу. Саша помогал у поворота и следил за линией. Никто больше не смотрел на существо, пока не раздался треск.

Дарья успела повернуть голову.

У белой полосы провалилась небольшая часть пола. Серый лист упал в образовавшуюся щель. Одно из бурых тел перекатилось вслед за ним, второе продолжало держаться на стене. Ни плита, ни камень над прежним местом ноги Серова пока не сдвинулись.

— Продолжаем, — сказал Егор, убедившись, что их участок цел.

Вадим зажмурился. Дарья увидела, как он пытается не дышать, словно тогда его легче будет перенести. Наклонилась ближе, попросила выдохнуть. Он выдохнул с тихим сердитым стоном.

На верхнем уступе стало тесно. Серов занял почти всё сухое пространство; остальным пришлось располагаться по краям. Пришедшие спасатели готовили следующий участок, ведущий к отметке «7». По этому же пути сюда продолжала доходить связь. Саша проверил провод после перемещения, ответил Олегу и передал Дарье трубку.

Она сообщила: пятеро найдены, один освобождён, самостоятельно идти не может; четверых поднимают со смежной площадки; белая стена и часть пола продолжают разрушаться,

возле них неизвестные животные. Говорила коротко, как будто от числа слов зависело, насколько невероятным окажется рассказ.

Олег не просил повторить про животных.

— Серова принимаем выше. Выведете остальных — отходите той же группой, без разрывов. По пластинке ответили: на фото и под увеличением есть слои, похожие на ткань зуба. Это пока предположение. Материал забрали смотреть дальше.

Дарья посмотрела вниз, за край уступа.

— Какого зуба?

— Не знают. И по видео не знают. Поэтому там руками ничего не трогать.

Она едва не ответила, что никто и не собирался. Вспомнила серый лист, чью-то голую руку, протянутую из щели, и промолчала.

— Приняла.

У окна появился Илья Нагорный. Пока ему помогали подняться, он держал подбородок слишком высоко и мешал собственным плечом. Саша поправил его положение, дождался, когда тот встанет на уступ, и только после этого принял сумку с камерой. Илья поблагодарил, оглядел лежащего Вадима и сразу опустился рядом с ним.

— Сняли? — спросил Серов.

— Сейчас не снимал.

— Да не меня. Камень.

— Да, Вадим. Тебя вынули.

Он выговорил это так странно, что Дарья на мгновение отвернулась. В голосе было всё, что не помещалось в сообщение наверх.

Следующей показалась Инна. Она передала широкий фонарь с жёлтой лентой, потом раскрытую сумку с прибором. Поднималась молча; на лице под каской были пыль и пот. Оказавшись рядом, сначала посмотрела на Вадима, затем на Дарью.

— Спасибо.

Дарья кивнула.

— Руку покажи.

Инна сжала и разжала пальцы.

— Отпускает уже.

— Болезненное движение есть?

— Нет. Только затекла.

Она сказала это отрывисто, словно речь шла о чужой руке, задерживающей общий выход. Дарья не стала спорить на месте, но запомнила, что нужно проверить ещё раз.

Из окна показался тёмный мешок.

Саша придержал его за ручку, дождался, когда Кирилл снизу передаст вторую. Мешок оказался тяжелее, чем выглядел. Саша подтащил его к себе, не поднимая высоко, и встал, освобождая место для человека.

— Что там? — спросила Дарья.

— Оборудование, — ответили снизу.

Голос был тот, который предупреждал её о стене.

— Дальше отдельно пойдёт. Сейчас Серов.

Пока она говорила, люди наверху уже приняли носилки. Вадим медленно исчезал за серой стеной. Илья встал и шагнул следом, но Дарья остановила его: там требовалось место тем, кто работает. Он послушно прижался к краю, обняв сумку с камерой.

Кирилл поднялся без лишних движений. У него не было одной перчатки; голую руку он держал подальше от белой крошки на выступе. Инна протянула ему свёрнутую перчатку, которую забрала из-под локтя. Кирилл принял её, сказал «спасибо» и сразу натянул.

Последним вышел Артеев. Вживую он выглядел старше человека на фотографии. Царапина через щёку начинала темнеть; седые волосы у висков слиплись. Он посмотрел на Дарью, затем на проход, куда унесли Серова.

— Благодарю вас, — сказал он. — Мы вам здесь очень обязаны.

— Пойдёмте.

Марк наклонился за мешком. Поднял одну ручку, вторую протянул Кириллу. Тот взял не сразу: поворачивал кисть, устраивая перчатку.

Внизу послышался сухой частый треск. Инна отшатнулась от окна. Дарья шагнула ближе и направила свет за край.

Белая полоса, возле которой сидел Вадим, отделилась от стены целиком. Сначала только наклонилась, затем осела вниз. За ней открылась тёмная неровная полость. На её внутренней поверхности двигались бурые кольца — десятки, одно над другим. Некоторые висели неподвижно, раздвинув твёрдые отростки; другие протискивались между ними к свежему излому.

Илья поднял камеру, но не включил. Стоял, глядя поверх неё.

— Они её едят, — сказала Инна.

От нижнего края отломился ещё кусок. Вадим уже был выше, за скальной щелью, и не видел, как исчезло место, на котором он сидел.

Дарья отвернулась первой.

— Все наверх. Саша, впереди. Егор, со мной замыкаешь.

Глава 6. Разрыв

Первым признаком беды оказался звук у Саши под ногами.

Он уже миновал узкое место, поднялся туда, откуда можно было различить красную отметку, и остановился, обернувшись к остальным. Его свет лежал на стене длинным косым пятном. Дарья слышала, как он зовёт людей, уносивших Серова. Сверху ответили: прошли, следующая площадка свободна.

Инна стояла у входа в щель. На спине у неё был небольшой рюкзак, сумку с прибором ей подавал Илья. Он передал ремень, освободил руку и прижал собственную камеру к животу. Марк с Кириллом поставили тёмный мешок, пропуская остальных.

Саша шагнул в сторону, проверяя место для приёма. Из-под ботинка донёсся негромкий полый стук.

Он остановился.

— Подождите.

Дарья оставила мешок с трубкой на уступе возле Егора и подошла к Инне. Из-за чужого плеча не было видно, на что смотрит Саша. Она остановилась рядом, наклонилась, заглядывая поверх Иннного плеча. Щель поднималась между серой скалой и узкой полосой белого материала. Выше обе поверхности прятались под пылью; по ним совсем недавно протащили носилки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.